

Тамара Злобина

Тротоплазма

мистический триллер

Тамара Злобина

Протоплазма.
Мистический триллер

«Издательские решения»

Злобина Т.

Протоплазма. Мистический триллер / Т. Злобина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934916-3

Петра Бокова невзлюбила тёща. Из-за её козней он вынужден был в срочном порядке покинуть родное село и уехать в город. Провидение в лице старика Михалыча встаёт на его сторону и защищает от колдовских козней тёщи. Но Мария Петровна не собирается сдаваться и едет в город, чтобы вернуть власть над зятем. Она даже представления не имеет, с чем ей предстоит схлестнуться. Но, несмотря на это, ввязывается в смертельную битву...

ISBN 978-5-44-934916-3

© Злобина Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Тёща	6
Глава 2. Побег	9
Глава 3. Протоплазма	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Протоплазма Мистический триллер

Тамара Злобина

© Тамара Злобина, 2018

ISBN 978-5-4493-4916-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказ о том, как Петька Боков стал «любимым» зятем и что из этого вышло.

Глава 1. Тёща

К Петьке Бокову из-за ближнего бугра, что по левую руку от их села, в очередной раз припожаловала тёща, и потому все народонаселение их дома стояло на ушах – даже кот Тимофей забирался на чердак и зыркал оттуда злыми глазами.

Есть ещё и дальний бугор по правую руку, но там у Петьки нет никакой родни – даже дальней.

При каждом таком появлении Марь Петровны Боков жалел, что она не там живёт – глядишь реже навещалась бы «в гости».

Каждый раз Петька ломал голову над этим странным понятием «в гости».

– В гости – это когда заходят на чашку чая с бубликом, – рассуждал он наедине с собой. – Выпьют чай, сгрызут бублик, поговорят по душам с пол часа и по домам – восвояси. А когда заявляются неожиданно-негаданно и живут у тебя неделю, другую, третью? Это уже не гости... Это... Это...

Петруха поскрёб пятернёй в кудрявой голове, не находя нужного определения для сего явления и, наконец, сделал жирный вывод:

– Одно слово: тёща! Этим сказано всё...

Пётр мужчина молодой ещё – всего двадцать семь недавно стукнуло, и хотя он не злой и не злопамятный, но всеми фибрами души ощущал недобрую силу со стороны Марь Петровны, словно она никак не могла простить ему то, что он увёл от неё единственную доченьку – Катюшку.

Каждый раз при её появлении у них с Катериной начинались проблемы: то тёщеньке не нравилось, как Петруха посмотрел на неё и она высказывала своё недовольство знакомым тоном прапорщика Тришкина из их армейского подразделения, то Катерина на ровном месте взбрыкивала, требуя нежности и тепла. А какая такая нежность под неусыпным взглядом Марь Петровны? Под этим взглядом у Петрухи даже слова замерзали на языке, а уж чувства и подавно.

Даже самый незлопамятный и добрый мужик начал бы внутренне роптать, предполагая непоправимое: или поторопился жениться, или выбрал себе в жёны слишком молодую девушку: ему-то 27 лет, а Катерине всего 18.

Тут ещё совпадение произошло странное: Катя его моложе на девять лет, а Марь Петровна старше на те же девять лет.

Друг Витька Пяткин ему ещё перед сватовством сказал:

– Ох, Петруха, не нравится мне это совпадение! Честно признаюсь: не нравится.

– Эт почему, интересно? – полюбопытствовал Петруха.

– Видишь ли, дружище, – с великим сомнением ответил ему Витька, – Катерина ещё не вошла в самый бабий сок, а Марь Петровна из него ещё не вышла... Как бы какого противоречия не возникло... Коварная эта цифра – девятка. Перевертыш какой-то, а не цифра: хошь тебе девять, а хошь – шесть... Смотри с какого бока посмотреть.

Петруха тогда посмеялся над дружкой, обвиняя в суеверии. А выходило по всем проявлениям – напрасно. Противоречия появились и довольно быстро. При каждом появлении Марь Петровны в их доме начинались трудные времена: недовольство, придирки, едкие замечания следовали одни за другими.

Даже человек с ангельским терпением вряд ли выдержал такой жёсткий прессинг. вполне понятно, что Пётр иногда срывался, ведь он не святой какой-то там, а вполне обычный человек.

Ко всем иным хорошим качествам – доброте и терпению, Боков ещё и не злопамятен, а потому через пять-десять минут его мысли, уже начинали порхать совсем в другом измерении – более высоком и желанном, как те бабочки, что вились вокруг его кудрявой головушки.

С некоторых пор он уходил в дальний угол сада, привязывал к двум развесистым яблонькам гамак, и, устроившись поудобнее, «мечтал» о том, что сегодня после недельной голодухи, наконец, будет допущен к телу собственной жены Катерины, отстранённый за какую-то провинность. За какую он уже и сам не помнил.

Предвкушение этого факта было не менее желанным, чем сам факт, и потому Петруха даже застонал в сладостном ощущении обладания.

Его прервали на самом интересном месте: со стороны сарая донёлся испуганный вопль тёщи:

– Помогите!... Ну, помогите же, хоть кто-нибудь!

– Какого чёрта? – недовольно проворчал Петруха, поворачиваясь на другой бок, явно не собираясь бежать на помощь сломя голову.

Однако вопли не прекращались.

– Даже тут покоя нет! – возмутился Боков, неспешно вываливаясь из гамака.

Неторопливой походкой он направился на голос, сожалея о том, что Катерины, как на грех, нет дома – пошла в сельский магазин: уж она-то первой прибежала на голос любимой мамочки, чтобы помочь.

Марь Петровна висела между небом и землёй, зацепившись за створку чердачного окна и верещала из последних сил.

– Интересно, куда тебя черти понесли? – удивился Петруха про себя.

Или всё же не про себя? Потому что тёща перестала верещать и начала ругаться:

– Ну, что зенки вылупил?! Снимай меня сейчас же! Ещё немного и я сорвусь...

Больше Марь Петровна сказать ничего не успела, потому что с воплем: – «Держи меня!», полетела вниз, и Петруха чисто автоматически подставил руки, чтобы принять её.

Принять-то принял, но неожиданно свалившегося на него «счастья» не выдержал, и прямо с ним в руках сел на пятую точку.

Марья Петровна, ощутив своим мягким местом мужское естество зятя, неожиданно зарделась, как молодуха и заикаясь перешла на вы:

Пётр Филиппович, отпустите меня, наконец... Что вцепились, словно жар-птицу за хвост ухватили?

Не говоря ни слова, Петруха разжал руки, ловя воздух открытым ртом: мягкое место тёщи хоть и нежное, но вполне себе весомое, при столь пикантном падении «слегка» помяло его естество.

Марь Петровна проворно соскочила с зятя и уже готова была дать стрекача, да на свою беду обратила внимание на посеревшее личико зятя со слегка выпученными глазками, и поняла сей факт по своему.

– Пётр Филиппович, – сказала она, как можно ласковее и душевнее, – надеюсь, сей инцидент останется между нами? Мне не хотелось бы становиться анекдотом про неуклюжую тёщу и изворотливого зятя...

И ушла в дом с гордо поднятой головой.

– Тьфу ты! – не скрывая досады объявил Петруха. – Я её спас от смертоубийства, и я же ещё виноват?!... Вот стервоза свалилась на мою голову.

Петруха всё ещё сидел на земле, боясь даже пошевелиться: боль внизу живота давала о себе знать.

– На голову, но ту, что пониже пояса, – уточнил он, начиная сомневаться в том, что сегодняшняя встреча с телом молодой жены сможет состояться.

Немного очухавшись от произошедшего, Петруха собрал рыболовные снасти и, никого не предупреждая, ушёл на рыбалку.

Поймать, конечно, ничего не надеялся, потому как не время для клёва, но успел основательно подумать о своей перевёрнутой жизни, понимая, что если и дальше будет так продолжаться, то его надолго не хватит: ни характер, ни мужское естество у него не железные. Жаль этого ни тёща, ни жена не понимают.

Его бы, как мужика, побережь немного: не трепать нервы изо-дня в день, не сигать с воплями на голову невесть откуда... Так нет же: что ни день, то новые капризы, новые «сюрпризы», новые претензии.

Клёв начался только под вечер, когда солнце склонилось почти до самой реки, и это отвлекло Петруху от невесёлых мыслей.

Домой он явился, когда в домах уже начали включать электричество. Марь Петровна зыркнула на зятя, но ничего не сказала, слегка удивив тем Петруху. Да и Катерина была на сей раз на удивление спокойна и мила, даже словом не отреагировав на очередную «провинность» мужа.

Глава 2. Побег

Ночью Катерина ластилась к Петрухе, как во время медового месяца, но тот буркнул, что сильно устал и отвернулся к стенке. Желание общаться не появилось даже тогда, когда Катерина своими крепкими зубками начала слегка покусывать мочку его уха, что всегда приводило его в полный восторг.

– Давай спать, Катерина, – отреагировал Пётр. – Завтра рано вставать.

С того дня Петруху словно подменили, и он начал избегать жену: то ночная рыбалка, то ночное дежурство на ферме, то поездка в соседний совхоз на помощь тамошнему молодому зоотехнику – тоже с ночкой. Да мало ли какие дела могут быть у главного зоотехника большого совхоза?

Он часто ловил на себе испытующий взгляд жены, но делал вид, что ничего не произошло, что у него слишком много работы, и, что он слишком устаёт.

Через неделю Петруха не выдержал нервного напряжения и заявился к другу, купив по дороге бутылку водки: нужно было расслабиться, иначе можно свихнуться от всех этих переживаний.

Пяткин принял друга с рапростёртыми объятиями, а завидев бутылку расплылся в почти счастливой улыбке: он хотя и не был заядлым выпивохой, но от халявной выпивки не отказывался никогда.

Разговор начался только после второй рюмки. Витёк просто внимательно уставился на друга, давая понять, что он весь – одно сплошное внимание.

Петруха без утайки рассказал дружбану всё, что произошло с ним неделю назад. К окончанию его рассказа физиономия у Витька из просто счастливой превратилась в донельзя удивлённую, но он стойчески выслушал всё до конца не перебивая и не делая никаких ремарок.

– Понимаешь, Витёк, – признался другу Петруха, – после того, как на меня свалилась тёща, что-то со мной произошло непонятное... Не то извращение какое, не то отвращение.

– А вот с этого места поподробнее, – ещё больше заинтересовался Пяткин.

– Даже не знаю, как это обсказать, – засомневался Петруха, опасаясь, что дружок не поймёт его.

Тот, видимо, понял сомнение Петра по своему и своё недовольство высказал прямо, ни мало не смущаясь:

– Стоило заводить разговор, если не хочешь рассказать?!

Петруха слегка поморщился и, пересилив сомнение, начал издалека:

– Понимаешь, Витёк... Раньше, когда Катерина прижималась ко мне... такая жаркая, такая пылающая... У меня даже волосы на груди поднимались дыбом... А теперь... Как она не ластится – ни один мускул не дрогнет... Словно меня заклинило...

– Может сглазил кто? – предположил Витёк.

– Кто сглазил? – не понял Пётр.

– Ну, ты же сказал, что это произошло после того, как на тебя свалилась Марь Петровна? – напомнил дружок. – Стало быть она и сглазила.

– И что мне теперь делать? – растерянно произнёс Петруха.

– Говорят, что клин – выбивают клином, – вспомнил Пяткин. – Попробуй... Может получится...

– Как это? – не понял Петруха.

– Ну, ещё раз прими на грудь Марь Петровну, – посоветовал дружок.

– Ни за что! – замотал головой Боков. – Судом присудят – кассацию подам.

– Ну, тогда Катерину прими... Она всё ж какая-никакая родня ейная.

– Чейная? – снова не понял Боков.

– Да тётки твоей родня! – начал выходить из терпения Витёк, всем своим видом давая понять, что за последнее время его дружок сильно поглупел.

– Ну, и чего ты сердишься? – уставился на него Пётр. – Мне и так хреново, ещё ты подливаешь масла в огонь...

– Прости, не хотел, – отреагировал Пяткин, сильно сбавив обороты. – Просто не могу смотреть спокойно на то, как лучший друг погибает из-за баб.

– А он погибает? – усмехнулся Петруха.

– Факт на лицо! – подтвердил Витёк.

После откровенного общения друзей прошла почти неделя, но подходящего случая, чтобы принять Катерину в полёте, всё не выпадало. За это время Петруха окончательно запутался в своём мироощущении.

Марь Петровна неожиданно из мегеры превратилась в «любящую тётку», всячески обихаживая зятя и потакая ему во всё. Едва она бросала на него взгляд, как все мускулы на его теле начинали бунтовать, и он ничего с этим поделать не мог. А тётка лишь мило улыбалась, словно наслаждаясь его терзаниями.

– Ведьма! – неприязненно думал Петруха. – Чистая ведьма! Что она сделала, что я стал таким?

А когда Марь Петровна однажды, как бы ненароком, прислонилась к его боку своим упругим бедром, Петруха на несколько дней потерял дар речи. И тогда он начал подумывать, от греха подальше, уехать в город, чтобы окончательно не пасть морально и не стать посмешищем на всё село, а то и район.

С каждым днём Пётр чувствовал себя всё хуже и хуже. Он явственно ощущал, что к нему в районе солнечного сплетения присосалась какая-то огромная пиявка и высасывает вместе с кровью и силы, и желания, делая его безвольным и вялым. Он прекрасно понимал, что дальше так продолжаться не может, но не знал, как всё исправить. Казалось, что выхода нет. Пришло отчаяние. И тогда Пётр окончательно решил, что ему срочно нужно уехать – хоть на какое-то время.

Петруха объявил жене, что его посылают в город на курсы повышения квалификации, и покидав кое-какие вещички в рюкзак, чмокнув её в щёку, шагнул за порог родного дома с большими сомнениями в том, что вернётся в него назад.

Бокову казалось, что злополучное тётчино падение перечеркнуло его жизнь жирной чертой, и ничего уже не исправить. Что Марь Петровна положила на него свой чёрный глаз у него уже не было сомнения.

На душе скреблись злые кошки. Было жаль Катюшку, жаль устоявшейся жизни в родительском доме, но иного выхода Пётр не видел, как с глаз долой – из сердца вон.

Поначалу плоть бунтовала, рисуя яркие картины, как его молодая жена Катерина ложится в постель... ну, хотя бы всё с тем же Витькой Пяткиным, который с самого начала к ней неровно дышал, но отступил только потому, что они с ним друзья с малолетства.

Шли дни и яркие фантазии Петра стали помалу тускнеть. Тем более он начал работать в ветеринарной клинике, расположенной на северной окраине города, что спасало его от тёмных мыслей, и давало средства на существование.

Ему везло с самого начала: сперва работа, потом жильё. Едва он на работе высказал желание снять поблизости недорогое жильё, кто-то из сотрудников сказал, что у него есть один знакомый дедок, который сдаёт комнату за вполне нормальную плату. В этот же вечер Пётр был по указанному адресу.

Его встретил белый, как лунь, старик, как из старинных сказок о добрых волшебниках. Тот взглянул на него такими глазами, словно эта их встреча не первая.

– Заходи, касатик, заходи... Я с тебя дорого не возьму, – сказал он. – Для меня главное, чтобы душа живая была рядом. А у тебя, вижу, душа живая.

Комнатка, предложенная Петру, была малогабаритной: в ней находились только кровать с панцирной сеткой, письменный стол с венским стулом и небольшая навесная полка с какими-то старинными книгами.

Внимательно посмотрев в глаза парню, хозяин предложил из зала перенести в комнату кресло, навязав заодно и торшер к нему.

Старик был вдовый, переживший свою жену на целых десять лет. Больше в доме не проматривалось никаких существ женского пола – даже кошки не было.

Боков ухватился за этот вариант не раздумывая: жильё было недорогим и главное: без женщин – с недавних пор Пётр стал обходить их стороной, невольно причисляя всех к клану ведьм.

Глава 3. Протоплазма

Прошло 10 дней, а от Петра не было никаких известий. Глаза Катерины всё больше становились похожи на озерца после дождя – не столько из-за синевы, сколько из-за влажности. Как не таилась Катя от матери, но того, что она в полном отчаянии скрыть было трудно.

Марь Петровна поняла, что дело тут нечисто. После очередной «истерики» дочери она решила сходить к директору совхоза Ван Ванычу, чтобы узнать куда тот отправил её непутёвого зятя.

Митин с удивлением посмотрел на малознакомую мадам, заявившуюся к нему в кабинет без спроса и с претензиями.

– Кто пустил вас сюда? – строго поинтересовался он. – Разве не видите, что я занят?!

– Чем? – пошла в наступление Марь Петровна. – Ворон считаете, или как кот хозяйство вылизываете?

Иван Иванович задохнулся от негодования:

– Немедленно освободите кабинет!

– Как только – так сразу, – усмехнулась в ответ злобная мадам, всем своим видом давая понять, что никуда не уйдёт, пока не получит ответ на все свои вопросы.

Марь Петровна демонстративно, без спроса, уселась в кресло напротив Митина и поинтересовалась:

– Куда вы отправили моего зятя Петьку Бокова?

– Вы хотели сказать Бокова Петра Филипповича – главного зоотехника совхоза? – ответил Митин, едва сдерживаясь.

– Что хотела – то и сказала! – сверкнула глазами Марь Петровна. – Не заговаривай зубы, директор!

Митин спокойно выдержал её взгляд, и отреагировал вполне профессионально:

– Теперь мне стало ясно, почему Пётр так поспешно взял расчёт и уехал в тот же день.

– Как уехал?! – взвилась посетительница. – Куда уехал?!

– Вы у меня спрашиваете, мадам? – улыбнулся в ответ Ван Ваныч, внутренне усмехаясь.

– А кого же ещё?! – продолжала атаковать та. – Ты же здесь главный. Ты и знать всё должен.

– Что должен, то знаю, – парировал Митин. – А чего знать не должен – это уже дело моё, личное, а не посторонних посетителей, которые врываются в кабинет без спроса и начинают предъявлять претензии, даже не поздоровавшись и не назвав своего имени.

Марь Петровна фыркнула в ответ:

– Заболошная Мария Петровна! Прошу любить и жаловать.

– Даже так? – усмехнулся директор. – И жалование и тем более любовь, нужно заслужить, а вы, мадам, пока кроме непонимания и удивления никаких иных чувств не вызываете.

Мадам вновь полыхнула на директора своим взглядом, словно намеревалась сразить его наповал.

– Можете, Мария Петровна, не стрелять глазками, – предостерёг её Ван Ваныч. – И взглядами своими – не пугайте! В этом кабинете мне довелось видеть многое: и истерики, и слёзы, и взгляды испепеляющие... Привык я уже к таким инцидентам... Потому отвечу без обиня-

ков: помочь вам ничем не могу. И далее попрошу вас освободить кабинет: через десять минут у меня планёрка – соберутся все совхозные специалисты... А тут вы со своими претензиями...

Ван Ваньчу очень хотелось сказать «дурацкими претензиями», но он сдержался, добавив строго:

– До свидания, Мария Петровна! Успехов в жизни и... вообще.

Ох, как много в ответ хотелось сказать Марь Петровне этому мужлану, но схлестнувшись с директором взглядом, она поняла: не стоит – сей фрукт ей не по зубам.

Она молча поднялась и, не прощаясь, вышла из кабинета, гордо неся голову с поистине греческим профилем – (это в российской-то глубинке!).

В прихожей суетилась секретарь, подготавливая какие-то бумаги, и Марь Петровна решила сорвать досаду на ней. Окинув женщину с ног до головы ядовитым взглядом, она поняла, что придраться не к чему: не девочка, но фигура ладная, одета для жительницы села очень даже прилично и соответственно возраста, руки, причёска, лицо тоже не вызывали никакого нарекания. Пришлось уходить несолоно хлебавши, поэтому со злости Заболошная так хлопнула входной дверью, что в прихожей задрожали стёкла, а «хрустальная» люстра начала позвякивать своими подвесками.

– Надо же какая нервная женщина, – пожалала плечами секретарь и, взяв со стола документы, постучала в дверь кабинета директора.

– Иван Иванович, – спросила она, – к вам можно?

Послышался ответ:

– Входите Роза Матвеевна.

Дома Марь Петровну встретила Катя, исходящая слезами и соплями.

– Сколько реветь можно, Катька?! – обрушилась на неё женщина. – Был бы человеком твой Петруха, я бы ещё могла понять, а то ведь – протоплазма!

Протоплазмами она считала всех, кто не мог противостоять ей – дочь была такой же протоплазмой, как и её отец. Зять тоже был причислен к их числу.

* * *

Пётр с каждым днём всё больше и больше привыкал к изменениям в своей новой жизни. Изменения были координатными. Новая работа, новые люди, новое жильё – всё это требовало некоторых и моральных и физических затрат.

Неоднократно Пётр ловил на себе вполне заинтересованные взгляды, которые словно спрашивали: – «Кто ты? Что от тебя можно ожидать?».

Боков улыбался в ответ открыто и от души, давая понять, что он – свой парень, и опасаться его не нужно.

Он постепенно приходил в себя: «пьявка» уменьшилась почти в два раза, но всё ещё время от времени беспокоила его. Спасала работа. Когда он занимался большими собаками, пьявка основательно съеживалась и начинала тихо и безысходно поскуливать, словно побаивалась их, или опасалась.

Животные признали Петра сразу, видимо, почуяв в нём «своего парня».

Намного легче было с хозяином квартиры: тот как-то сразу проникся к нему доверием. В первый же день, когда Пётр спросил дедка, как к нему обращаться, тот ответил просто:

– Зови Михалычем – отзывался старик.

– А по имени-отчеству? – замялся Петро, – По одному отчеству как-то... не серьёзно...

– А по имени – отчеству – Ксенофонт Фелистратович... Проще уж – Михалычем – фамилия у меня Михалычев.

– Да, заковыристо вас назвали – улыбнулся в ответ Боков. – Где только такие имена отыскивали?

– Так из священнослужителей мы, – пояснил старик. – И отец мой был священником, и дед, и прадед по отцовской линии. И мне суждено было стать священнослужителем. Да только жизнь иначе повернулась... Оленьку я встретил Меньковскую. А она даже слышать не хотела о попах: семья интеллигентная, образованная, атеистическая. Из-за неё я вместо религии – ушёл в науку... Почти пятьдесят лет прожили душа в душу и рука об руку. Только оставила меня Оленька одного... Вот и коротаю дни и ночи один одинёшенек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.